Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

45/3-4 | 2004
Varia

Final tragedii v ropse

Francuzskaja versija sobytij

Ljudmila V. HAJKINA

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/8700>

DOI : 10.4000/monderusse.8700

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 juillet 2004

Pagination : 561-568

ISBN : 2-7132-2009-2

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Ljudmila V. HAJKINA, « Final tragedii v ropse », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 45/3-4 | 2004, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8700> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8700>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_453&ID_ARTICLE=CMR_453_0561

Final tragedii v ropse. Francuzskaja versija sobytij

par Ljudmila V. HAJKINA

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2004/3-4 - Vol 45

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220092 | pages 561 à 568

Pour citer cet article :

—HAJKINA L., Final tragedii v ropse. Francuzskaja versija sobytij, *Cahiers du monde russe* 2004/ 3-4, Vol 45, p. 561-568.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ЛЮДМИЛА В. ХАЙКИНА

ФИНАЛ ТРАГЕДИИ В РОПШЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ*

*Нет сомнения, что в текущем столетии
при Русском дворе свершались
великие преступления.*

Людовик XVI

Подлинная картина гибели Петра III до сих пор остается предметом размышлений и дискуссий историков. В довольно узком кругу источников, проливающих свет на обстоятельства этой трагедии, центральное место принадлежит свидетельствам иностранных дипломатов.

Самым известным мемуарным сочинением, запечатлевшим события 1762 года, являются записки Клода-Карломана де Рюльера (1735-1791)¹. Одаренный беллетрист, удостоенный похвалы Вольтера, он с 1760 года находился в Петербурге в качестве секретаря французского посла. Вернувшись на родину спустя два года, Рюльер написал воспоминания о дворцовом перевороте в России. Об этом сочинении русская императрица узнала от Фальконе через Дидро и отметила: «Мудрено секретарю посольства иначе как воображением знать обстоятельно вещи, как они суть...»². Тем не менее Екатериной были предприняты энергичные, но безуспешные попытки приобрести рукопись Рюльера, которую ей так и не довелось прочитать. При жизни императрицы мемуары французского дипломата не увидели свет, а были опубликованы во Франции в 1797 году³.

* Автор благодарит французский гуманитарный научно-исследовательский центр «Дом наук о Человеке» за предоставленную ей возможность занятий в архивохранилищах Франции.

1. К.-К. Рюльер, «История и анекдоты революции в России в 1762 году», в *Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников*, М., 1911, с. 13-71.

2. Там же, с. 6.

3. Там же, с. 13-71.

Более резко высказался ознакомившийся с одним из списков этих мемуаров Людовик XVI: «Сочинение г-на де Рюльера представляет собою собрание анекдотов, настолько баснословных и противоречивых, что заслуживает скорее название исторического романа, чем мемуаров»⁴.

Однако долгое время книга французского дипломата была единственным описанием переворота 1762 года и воспринималась историками как ценный источник сведений по данному вопросу.⁵ Позицию большинства из них сформулировал составитель вышедшего в 1911 году сборника воспоминаний участников и свидетелей восшествия Екатерины II на престол Г. Балицкий:

Насколько Рюльер был осведомлен о настоящем положении вещей, связанных с событием 1762 года, нам ясно показывают записки самой Екатерины и другие исторические свидетельства и документы... Оказывается, Рюльер располагал довольно точными сведениями, несмотря на свое положение секретаря посольства⁶.

Воспоминания французского дипломата легли в основу широко принятой до недавнего времени исторической концепции, согласно которой задуманное Екатериной II убийство свергнутого супруга осуществили гвардейцы во главе с Алексеем Орловым. В русле этой концепции анализировалась исследователями и последняя записка Орлова от 6 июля 1762 года, в которой он сообщил императрице:

...Матушка – его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, совершилась беда. (Мы были пьяны, и он тоже). Он заспорил за столом с князем Федором [Барятинским-Л. Х.], не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до одинаго виноваты, достойны казни...⁷.

Содержание записки обычно рассматривалось как плохо завуалированная попытка скрыть истинные обстоятельства убийства, по поводу которых и в русском обществе, и в дипломатических кругах существовали весьма противоречивые версии.

Автор одной из них, секретарь датского посольства А. Шумахер, описывая финальную сцену событий в Ропше, указывает, что, после неудачной попытки отравления, Петр III был задушен шведом Швановичем (Швановичем) с помощью ружейного ремня. В качестве главных инициаторов убийства в этих записках фигурируют придворный медик К.-Ф.

4. «Заметки короля французского Людовика XVI на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Великой», *Русский архив*, т. 140, 1905, с. 145-152.

5. В. А. Бильбасов, *История Екатерины II*, Лондон, 1895.

6. *Переворот 1762 года*..., указ. соч., с. 6.

7. *Архив князя Воронцова*, М., 1881, т. 21, с. 430. См. также: *Русский архив*, № 5, 1911, с. 25.

Краузе и кабинет-секретарь Г. Теплов⁸. На основании сочинения Андреаса Шумахера в литературе последних лет строится гипотеза о непричастности к убийству Екатерины II, а, следовательно, и верного исполнителя ее замыслов. Фигура А. Орлова остается в тени, и его роль оценивается как роль командира ропшинского отряда, скрывшего преступление, но не причастного к замыслам и действиям заговорщиков⁹. Сторонники этой гипотезы высказывают сомнения в достоверности информации, которой располагал Рюльер, и даже в подлинности последней записки Орлова¹⁰. Всю вину авторы данной концепции возлагают на группу заговорщиков во главе с Н. И. Паниным, пытавшихся таким образом вынудить императрицу объявить о своем регентстве при малолетнем императоре. Однако среди источников, посвященных истории дворцового переворота 1762 г., помимо широко известных сочинений К. К. Рюльера и А. Шумахера, присутствуют еще два свидетельства французского очевидца этого памятного лета в Петербурге. Введенные в научный оборот в начале XX века благодаря публикации в сборнике Русского Исторического Общества, они до недавнего времени не привлекали пристального внимания исследователей¹¹. Это две депеши поверенного в делах французского посольства в Петербурге Л. Беранже герцогу Шуазелю от 10 (21) августа 1762 г. и герцогу Праслену от 15 (26) декабря 1763 г. В первом из них, перевод которого и комментарии к нему недавно были опубликованы, опять подтверждается факт неудачной попытки отравления пленника, предпринятой неким Тервю, после чего

...решили его задушить. Это так же достоверно, Сударь, как и то, что было замечено, что князь Барятинский, привезший ко Двору новость о смерти Петра III, получил множество знаков на лице, доставшихся ему, как говорят, от свергнутого императора, защищавшегося в момент покушения на его жизнь... Врач Крузе, которого он ненавидел и которого послали к нему, подозревался в приготовлении этого яда. Он сделался после этого лекарем Великого князя. Подробности этих ужасов известны, главным образом, от русского камер-лакея, верного Петру III в его опале, который по возвращении в Петербург признался своему ближайшему другу о своих сожалениях от потери своего хозяина и об истории его злосчастий¹².

Автор перевода высказывает предположение о том, что Тервю – искаженное прочтение фамилии Теплова. Если принять эту гипотезу, можно было бы

8. A. Schumacher, *Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peter des Dritten*, Hamburg, 1858.

9. К. А. Писаренко, «Несколько дней из истории “уединенного и приятного местечка”», в *Загадки русской истории XVIII век*, М., 2000.

10. О. А. Иванов, «Загадки писем Алексея Орлова из Ропши», *Московский журнал*, № 12, 1995; № 1, 2, 3, 1996.

11. *Сборник Русского исторического общества*, СПб., 1912, кн. 140, с. 304, 637-638.

12. К. А. Писаренко, указ. соч., с. 310.

отметить совпадение свидетельств всех вышеприведенных источников относительно участия кабинет-секретаря в расправе с низложенным императором. Однако не следует игнорировать то обстоятельство, что активная участница переворота 1762 г. Е. Р. Дашкова в той части критических комментариев к сочинению Рюльера, которая касалась финала трагедии, ограничилась лишь одним возражением: «Не правда, что Теплов был послан в Ропшу»¹³. Как известно благодаря одной из записок А. Орлова и воспоминаниям А. Шумахера, единственный камер-лакей по фамилии Маслов, находившийся с Петром Федоровичем в Ропше, был удален оттуда заговорщиками до убийства императора. Поэтому ссылка Беранже на него как очевидца трагедии представляется малоубедительной. В депеше французского дипломата вовсе не упоминается А. Орлов, но опять фигурируют имена К.-Ф. Краузе и Ф. Барятинского как предполагаемых убийц ропшинского пленника. Более года спустя Л. Беранже вновь возвращается к этой теме, но дает уже совершенно иную трактовку событий:

Eux seuls ont le secret de la fin déplorable de Pierre III; ce fut uniquement au S-r Orloff major des Gardes, que l'Impératrice confia l'ordre d'empoisonner et, à défaut du poison, d'étrangler l'Empereur. Un Prince Bariatinski et le nommé Brédihin faisaient sentinelle à la porte pendant que le Major Orloff remplissait littéralement sa barbare commission¹⁴.

Таким образом, Л. Беранже во второй депеше в общих чертах повторяет версию, изложенную К.-К. Рюльером.

Сегодня представляется возможность ввести в поле зрения исследователей еще одно описание убийства Петра III, также вышедшее из-под пера французского дипломата, но тридцать пять лет спустя. В отличие от депеш Л. Беранже, документ, о котором пойдет речь ниже, не был опубликован в сборнике Русского исторического общества. В 1839 г. А. И. Тургенев преподнес императору Николаю I шесть томов копий документов, «частью в выписках, частью в полных депешах», приобретенных им у наследников французского дипломата А.-Б. Кальяра¹⁵. По высочайшему повелению, в течение двух лет князь А. Н. Голицын и граф К. В. Нессельроде изучали это собрание, после чего было принято решение, что публиковать рукописи из архива Кальяра нельзя

13. «Замечания княгини Дашковой на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Великой», *Русский архив*, Кн. 3, № 12, 1890, с. 551.

14. «Только они [Екатерина и Орлов–Л.Х.] знают секрет прискорбного конца Петра III; это исключительно Орлову, командиру охраны, Императрица доверила приказ отравить, а за неимением яда, задушить Императора. Князь Барятинский и некий Бредихин несли караул у дверей, пока Командир Орлов в точности осуществлял свою варварскую миссию.», *Сборник Русского исторического общества*, СПб., т. 140, 1912, с. 303-304. Перевод автора данной публикации –Л. Х.

15. А.-В. Caillard. В русской историографии существует традиция перевода этого имени как Кальяр.

в виду того, что они исполнены оскорбительными на счет русской нации отзывами и что, за исключением всего, что находится в них непристойного и даже обидного для чести имени русского, очень мало останется таких статей, публикация которых может принести какую-либо пользу в историческом отношении¹⁶.

Возможно, в составе коллекции рукописей, приобретенной А. И. Тургеневым, присутствовала копия документа, оригинал которого хранится в Национальном архиве Франции. Он представляет собой донесение министру внешних отношений французской республики ее представителя в Берлине гражданина Кальяра¹⁷. Французский дипломат посвящает свою депешу от 29 фримера 5-го года (19 декабря 1797 года) текущим событиям в России и, в частности, пишет:

Paul I a fait rétablir le nom de son Père sur la liste des Empereurs dont Catherine II l'avait fait rayer. Baratinski Grand Maréchal de la Cour est frère de l'Ex-Ministre Russe à Paris. C'est lui qui porta le premier les mains sur l'infortuné Pierre III à Ropschen où on l'avait entraîné dans une partie de chasse. Ce malheureux Prince, malgré le soin qu'on avait pris de lui échauffer la tête, en lui servant différens vins, repoussa le poison qu'on lui présentait, averti par la saveur âcre et brulante du breuvage, et poussa violemment la table, en s'écriant: «Scélérats vous voulez m'empoisonner». Alors Bariatinski qui était à côté de l'Empereur, lui passa la serviette autour du cou, tenant un des bouts et donnant l'autre à celui des complices qui se trouvait de l'autre côté de la victime. Le crime fut ainsi consommé. Orlov ne put tenir à cet horrible spectacle et attendit à peine le dénouement. Le Cit. Caillard traite d'ailleurs de Roman la relation de Rhuliere¹⁸.

Далее в документе следуют развернутые характеристики наиболее влиятельных фигур нового царствования, свидетельствующие об исключительной осведомленности в этом вопросе французского представителя в Берлине. В рассматриваемом донесении совершенно отсутствует та оскорбительная для национального чувства предвзятость суждений, которая помешала публикации в России архива его автора.

16. *Сборник Русского исторического общества*, СПб., 1912, к. 140, с. XX.

17. Archives Nationales AF III 79 (Russie), Dossier № 324/1, листы не пронумерованы.

18. «Павел I восстановил имя своего отца в перечне императоров, из которого Екатерина II его вычеркнула. Барятинский, гофмаршал, является братом представителя России в Париже. Это именно он первым наложил руки на несчастного Петра III в Ропше, куда его завлекли во время охоты. Этот несчастный принц, несмотря на предпринятые усилия загуманить ему голову с помощью разнообразных вин, отверг отравленный напиток, будучи настороженным его горьким и обжигающим вкусом, с силой оттолкнул стол, крикнув: «Злодеи, вы хотите меня отравить». Тогда Барятинский, находившийся рядом с императором, обернул салфетку вокруг его шеи, держа один конец и передав другой своему сообщнику, стоявшему с другой стороны жертвы. Таким образом было осуществлено преступление. Орлов не мог вынести этого ужасного зрелища и едва дождался его развязки. Гражданин Кальяр считает литературным романом донесение де Рюльера.» Перевод автора данной публикации.

Антуан-Бернар Кальяр (1737-1807) – профессиональный дипломат, друг и однокашник крупного государственного деятеля А.-Р.-Ж. Тюрго, который доверил ему пост секретаря французских дипломатических миссий в Касселе (1773), Копенгагене (1775), а затем в Санкт-Петербурге. В столицу российской империи он прибыл в 1780-м г. вместе с маркизом де Вераком, а в 1783-1784 гг. возглавлял французское посольство в России. Позднее он станет полномочным представителем в Берлине (1795), где добьется от Пруссии признания левого берега Рейна границей французской республики. В период Консулата А.-Б. Кальяр назначается директором архива внешних отношений и одно время исполняет обязанности министра иностранных дел. Его перу принадлежало историческое сочинение *Воспоминания о революции в Голландии в 1787 году*¹⁹.

Итак, автор интересующего нас документа появился в Петербурге в 1780 году и не мог быть очевидцем описываемых им событий. Не называет он и тот источник, из которого была почерпнута столь конфиденциальная информация. Вполне очевидно, что сведения получены не «из первых рук», так как в противном случае речь не шла бы об охоте как поводе для поездки в Ропшу. Но можно предположить, что строки донесения Кальяра стали фиксацией давно сложившегося в среде французских дипломатов представления об обстоятельствах царевубийства в Ропше. Автор донесения вслед за Людовиком XVI оценивает только что опубликованный труд К.-К. Рюльера как литературное сочинение. Действительно, обилие анекдотов, а также экспрессивность описания сцен и персонажей роднят эти мемуары с произведениями беллетристики. Однако нельзя не заметить ряд совпадений в описываемой Кальяром и Рюльером сцене убийства Петра Ш, и, прежде всего, констатацию попытки отравления, последующего удушения с помощью салфетки, а также факта участия в преступлении Федора Бярятинского и Алексея Орлова. Принципиальная разница в их показаниях заключается в оценке роли последнего из них, который, по словам Рюльера, «...обоими коленями давил ему [Петру-Л.Х.] грудь и запер дыхание»²⁰. Согласно свидетельству Кальяра, активные действия предпринял именно Бярятинский с «сообщником», а сам Орлов удовольствовался ролью пассивного наблюдателя, с отвращением ожидавшего развязки. Кроме того, в повествовании Рюльера описывается бурная сцена, в ходе которой несчастная жертва отчаянно защищала свою жизнь. В изложении Кальяра сам момент убийства выглядит как хладнокровно, а потому особенно жестоко осуществленный акт.

19. P. Larousse, *Grand dictionnaire universel*, Paris, 1865, v. 3, p. 78; *Сборник Русского исторического общества*, СПб., т. 140, 1912, с. XX.

20. К.-К. Рюльер, «История и анекдоты революции в России в 1762 г.», в *Россия XVII в. глазами иностранцев*, Л., 1989, с. 310.

Неизбежно возникает вопрос, насколько представления французского дипломата совпадали с мнением русского общества в тот момент, когда восшествие на престол Павла I и его первые шаги в качестве монарха всколыхнули воспоминания о давней трагедии? Как известно, во время церемонии перезахоронения останков Петра III, 2 декабря 1796 года, по приказанию государя, Алексей Орлов нес большую императорскую корону, а Федор Барятинский и Петр Пассек – концы покрывала, на котором она лежала. Н. И. Греч в своих воспоминаниях отметил, что эти участники процессии занимали места, подобающие первым лицам империи²¹. Таким образом Павел не только совершил акт символического возмездия, но и публично продемонстрировал, кого именно он считал убийцами своего отца. Существует своего рода художественный документ той эпохи, показывающий, что представления императора относительно главных виновников цареубийства 1762 г. были достаточно распространены и в русском обществе того времени. На гравюре с картины Н. Анселина, представляющей встречу Петра Великого и Петра III в Елисейских полях, в левой части изображен ад с присутствующими в нем фигурами Орлова, Барятинского и Пассека²².

Тем более странной показалась современникам, а вслед за ними историкам царствования Павла Петровича, та мягкость наказания, которому подверг он главного виновника трагедии в Ропше. В. Н. Головина в своих мемуарах отмечает: «Граф Алексей Орлов дрожал, как преступник, но опала его ограничилась лишь высылкой спустя некоторое время»²³. Историк Н. К. Шильдер также с удивлением констатирует тот факт, что

Более виновный в перевороте 1762 года, со всеми его последствиями, граф А. Г. Орлов-Чесменский испытал менее неприятностей; после нравственной пытки, наложенной на него в день 2-го декабря, ему разрешено было отправиться за границу, где он спокойно прожил до воцарения императора Александра²⁴.

Н. К. Шильдер объясняет эту странность постоянной непоследовательностью в действиях императора. Вместе с тем, более суровому наказанию, – отставке и ссылке в дальние деревни, – подвергаются, казалось бы, менее значительные персонажи давней трагедии – Ф. С. Барятинский и П. Б. Пассек. Если Павел был столь непоследователен в своем отношении к

21. Г. А. Принцева, «Траурная процессия 2 декабря 1796 года – перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец», в *Цареубийство 11 марта 1801 года. Государственный Русский музей. Каталог выставки*, СПб., 2001, с. 22.

22. Н. К. Шильдер, *Император Павел Первый. Историко-биографический очерк*, М., 1996, с. 294.

23. В. Н. Головина, «Мемуары», в *История жизни благородной женщины*, М., 1996, с. 170.

24. Н. К. Шильдер, указ. соч., с. 296.

Алексею Орлову, то возникает вопрос, почему же он проявляет удивительную непреклонность в решении судьбы Федора Барятинского, дважды отклонив, по свидетельству В. Н. Головиной, просьбу его дочери о помиловании, подкрепленную ходатайством Е. И. Нелидовой?²⁵

Может быть, Павел I, подобно Кальяру, расценивал роль А. Орлова как организатора убийства, не запятнавшего руки кровью в буквальном смысле слова, и с рыцарственной брезгливостью к палачеству наказал непосредственных убийц? В литературе уже высказывалось предположение, что подробности трагедии в Ропше Павел мог узнать от лейб-медика К.-Ф. Краузе, который в отличие от других участников поездки в «уединенное и приятное местечко» не был наказан своим подопечным²⁶. Придворный лекарь имел возможность, завуалировав собственную роль в попытке отравления, рассказать императору обо всех остальных деталях убийства, которые так и не получили широкой огласки. Но все это, конечно, остается в области предположений. И даже если французский дипломат спустя тридцать пять лет изложил не только традиционную для его коллег, но и подлинную версию произошедшего, все равно это свидетельство не делает менее справедливым признание самого Алексея Орлова в его знаменитой записке: «...все до единого виноваты.» Донесение Кальяра дает повод внимательнее приглядеться к фигуре князя Федора Сергеевича Барятинского и вносит дополнительный штрих в исторический портрет другого человека, которому общество вынесло суровый нравственный приговор: «Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой.»²⁷

*191011, Россия, Санкт-Петербург
Садовая ул., 2
Михайловский (Инженерный) замок*

ludmila_haikina@mail.ru

25. В. Н. Головина, указ. соч., с. 175.

26. К. А. Писаренко, указ. соч., с. 384.

27. А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, Изд. 2-е, т. VIII., М.-Л., 1958, с. 120-121. Разговоры Н. К. Загряжской.